

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ЛЕТОМ СОРОК ВТОРОГО

МИХАИЛ КАЛАШНИКОВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

Михаил Калашников
Летом сорок второго

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калашников М. А.

Летом сорок второго / М. А. Калашников — «Эксмо»,
2022 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками
фронтовиков)

ISBN 978-5-04-174336-9

На основе реальных событий. Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц — страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина. Июль 1942 года. Фронт катится к Дону. Тысячи беженцев и бойцов разрозненных советских частей скопились у переправы в районе села Белогорье. На том берегу — спасение гражданским, а военным — возможность отдохнуть и собраться с силами. Как назло, задерживает движение устроенная майором НКВД проверка документов. Необходимая формальность грозит страшной бедой — людскую лавину в любой момент могут атаковать немецкие бомбардировщики. Никто из столпившихся у переправы людей не знает, что еще накануне этот майор носил такое же звание... в фашистской армии.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174336-9

© Калашников М. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 6	23
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Александрович Калашников

Летом сорок второго

© Калашников М.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Блеск натертой меди сыпал искры, играл лучами. Даже когда летняя духота и ставни снаружи затворены наглухо, духовая труба светится в полумраке хаты, ловит сдавленный, пролезший в щель меж оконных наличников солнечный подарок. Она и еще старая икона с ризами медной фольги освещают жилище. Доска в иконе потемнела, лик почти не виден, но перед Пасхой хозяйка снимала ее с покута¹, освобождала из-под стекла и чистила ризы от зеленых пятен ржави, натирала толченым мелом и бархоткой.

Тамара, старшая дочь хозяйки, смотрела на пучок света, ухваченный цепкой медью, любовно изучала плавный изгиб раструба, мундштук, клапаны. Отец ее играет в оркестре. Десяток инструментов, где девять человек раздувают щеки, а десятый, с толстым барабаном на груди, надувает их из солидарности с остальными. Каждый вечер субботы и по праздникам вальсы с маршами разносились в горсаду Белогорья.

Тамара и сегодня с нетерпением ждала вечера. Родители искупают детей, приведут в порядок себя: отец наденет купленный четыре года назад черный костюм и галстук, а мать – платье с круглым белоснежным воротником и легкие босоножки. Старший брат Виктор отделится от семьи еще на подходе к горсаду и убежит с погодками курить, спрятавшись за углом райисполкома. Мать будет калякать с подружками, придерживая руками свой беременный живот. Трехлетняя Зоя, держа ее за подол, наконец оторвется от него и станет ловить дразнящего ее Борю. Тамара же будет стоять, обнявшись с Антониной, и обе они не оторвут глаз от отца, выдувающего из «золотой» трубы басовые партии. А в перерыве между игрой отец спустится с деревянного помоста и купит всем по стакану фруктовой воды и мороженому.

Горсад и центр села клокотали праздничным приготовлением – районная выставка народного хозяйства. Стенды вдоль забора МТС, загоны и клетки для скотины. Напротив Дома Советов, рядом со сценой для духового оркестра, сколочена трибуна. У пивной бочки жмутся мужички, а бабы на обочинах развлекают друг друга сплетнями.

Ближе к вечеру – народу теснее. Тамара под руку с Антониной брела вдоль стендов. На фанерном щите припилен сноп ранней пшеницы, фотографии с прошлогодней уборочной, техника, отснятая крупным планом. Следом вереница загородок: рекордсменка удоя Зорька из колхоза «Путь Ленина»; чистые и расчесанные овцы из Саприно; свиноматка величиною в полугодовалого теленка – достояние колхоза «Имени XVIII партсъезда». Дегустационные столы: бруски нежно-розового сала, только что вынутого из ледника и еще не успевшего размякнуть в предвечерней жаре, запотевшие стаканы с молоком от той самой Зорьки, тающие во рту белые булки, несущие запахи и ароматы, пропитавшие хлебопекарню.

Чуть в стороне – торговые ряды. Много местных, но есть и пришлые. Вон дуванские торговки с другого берега Дона. Их легко отличить по ярким пучкам редиски и свежей зелени. Левый донской берег песчаный, там эта редиска растет лучше, чем на белогорских мелках, только поливать не ленись. Но на одной зелени в прибыли не будешь, и несут дуванские хозяйки на рынок творог, сметану, масло. Хоть и полно этого добра в Белогорье, а все же партийная верхушка здесь внушительней, чем в маленькой Дуванке, и расходится молочная продукция по рукам не колхозного, а служащего класса.

Дама увесистая и заметная, прохаживаясь вдоль рядов и изредка поправляя свою высокую прическу, бросает между прочим:

– Двадцать пять лет при Советской власти живем, а со спекуляцией никак не расстанемся.

Торговки хмурятся, но не отвечают, понимая, что связываться – себе дороже. И лишь одна старушка лет семидесяти отвечает:

¹ Красный угол (*суржик*).

– Это я-то спекулянтка? Ах ты, чертова свинья! Да я сама с огорода не вылезаю, все это моим горбом выращено! С рассвету до заката солнышко по темечку перекаत्याю – в поле да в огороде. Свое продаю, не краденое, не перекупленное!

Внушительных размеров матрона удаляется, не обращая внимания на летящие ей в спину проклятия, а соседки по прилавку шикают на старушку:

– Тише-тише, тетка Ганна! Не трогай ты ее, пускай идет себе.

Кто-то из белогорских баб, придя на крик, узнает в старушке давнюю товарку:

– Чего расшумелась, богоризка? Привет, что ли.

Та, повернув голову, на минуту сощурила глаза и тут же признала:

– И тебе не хворать, пайдуныха!

С давних пор прозвали дуванцы белогорцев пайдунами, а те своих соседей – богоризами. Что значит первое прозвище, теперь и сами дуванцы не вспомнят, а вот второе, по легенде, возникло от выходки одного из уроженцев Дуванки, спяну всадившего в икону нож.

– Давнехонько не видались... почитай, годков семь или восемь, – сожалеет белогорская баба.

– Да где-то столько, как у нас церкву развалили, так и перестала ты к нам на престол ходить.

– Расскажи, как добралась. На себе, что ль, сумки-то тащила?

– Внук у меня, помощник Федюшка.

– А где ж он? Поглядеть бы. На тебя ли похож?

– Старым – старое, молодым – молодое. С хлопцами закружился, на стрелков, что ли, пошли. Уговорились с ним у парома встренуться. Коль я первая приду, так его ждать стану, ну, а если он рано отстреляется, так меня подождет. Да я и сама дойду. Расторговалась почти, теперь налегке.

Большая часть молодежи собралась на лугу, за крайними белогорскими огородами. Ворошиловские стрелки, гэтэошники и прочие, без особых отличий – все строились в очередь на стрельбу.

Виктор, брат Тамары, дождавшись своего часа, с нетерпением взял в руки мелкокалиберку. Было здесь много девчат. Стояли группками, любовались молодецкой удалью. Особо метких поощряли аплодисментами.

В стороне от мишеней, на высоких свежих столбах, крепился турник, к нему тянулась очередь потенциальных рекорсменов. К перекладине подошел смуглолицый юноша, скинул кепку и пиджак, поиграл плечами, размял руки. Из-под среза майки на груди его показалась неразборчивая татуировка. Тамара слышала негромкие девичьи переговоры вокруг себя:

– Гляди-гляди, черномазенький, ну как есть цыганенок.

– Чей это? Не белогорский вроде.

– Это с Дуванки. Он с братом моим знакомился. Федей, кажись, зовут.

Парень сложил руки в замок, встал на носки и потянулся. Затем пятерней закинул чуб назад и прыгнул, ухватившись за перекладину. Движения его были легкие, он без труда приподнимал свое поджарое тело. После пятнадцатого раза зрители невольно стали считать хором, все сбавляя и сбавляя ритм.

– Тридцать два-а-а-а... – протяжно тянули болельщики.

Одного раза недотянул задонский гость до планки местного чемпиона ГТО. Спрыгнул, уронив в пыль несколько градин пота, привычным движением поправил чуб и придавил его кепкой.

«Не вышло рекорда, – подумал он, – похвастал бы перед домашними, особенно Анютка б оценила».

Сестра его Аня, десяти лет от роду, в компании женщин и девушек шла с поля. Закончив месяц назад четвертый класс, она решила, что уже вполне образованная, заявила роди-

телям, что писать-считать умеет, а значит, и для работы уже сгодится. Отец и раньше часто таскал ее с собой, ставил на мелкие «должности», посылал на посильные задания. Ранним утром, когда шло распределение на участки и поля, бригадир Безрученко прикрывал заболевшего колхозника своей неучтенной плавающей «единицей». Мать Анюты поначалу ворчала на мужа, но, видя, что дочь с большей охотой таскается за отцом, чем бежит в школу, примолкла.

Бригада их возвращалась с прополки, день на солнцепеке вымотал рабочих, но по старой традиции не могли они возвращаться с поля без песни. Тягучая, как степь, она неслась над пыльной дорогой:

*Ой, у вышнэвому саду, там соловэйко щэбэтав —
До дому я просылася, а ты мэнэ все не пукав.*

Проплывающий в небе стрепет подмешал резкий клекот в старинную песню. Аня, машинально повторяя заученные с младенчества слова, думала о своем. Еще неделю назад отец сказал, что сегодня лучшие труженики поедут в город для коллективной фотографии, а потом эту карточку повесят в правлении с благодарственной припиской. Аня считала, что такое мероприятие не обойдется без нее, и предвкушала сладостную детскую гордость.

Она перехватила тяпку, и взгляд ее скользнул по синей надписи «Аня» на правой руке, чуть выше большого пальца. Год назад, когда Федору исполнилось пятнадцать, кто-то из его компании разузнал технологию битья наколок. Имея за образец один-единственный рисунок, вся улица колола друг другу на груди орла, несущего в когтистых лапах обнаженную девушку. Аня долго ходила за братом, однообразно канючила: «И мне сделай, и мне». Федор плюнул, расплел связку из трех иголок, оставив лишь одну, и выколол ей на руке имя. Аня кривила лицо от боли, украдкой роняла слезы, но все же дотерпела до конца экзекуции молча.

Войдя в село, женщины разбрелись по улочкам, прощаясь до понедельника. Двор Анюты находился в конце улицы, на краю оврага, за это их семью прозвали Крайнюками. Аня увидела около дома колхозную полуторку с работающим двигателем и все поняла: машина пришла за родителями, сейчас уедут, не дождавшись ее. Песок брызнул из-под ее пяток. Куда только девалась дневная усталость?

Из калитки вышла мать, увидев нарастающий клуб пыли, громко окликнула:

— С нами собралась?

— Я мигом! — на ходу отозвалась Аня.

— Можешь не торопиться, я в город поросенка не повезу. Оставайся дома.

— Мамочка! Я за секунду! — взмолилась девочка.

— Нечего людей задерживать, — отрезала мать и, уже обращаясь к водителю, крикнула: — Митрофан, трогай!

— А как же Митька? — спросил сидящий за рулем мужик.

— Мимо фермы будешь ехать — остановишь, оттуда его заберем.

Пока матери помогали взобраться в кузов, Аня поманил сосед дядя Ваня, резко перегнувшись через борт, схватил за руку и быстро втащил наверх, спрятав у себя за спиной.

Машина остановилась у «Госфотографии», пассажиры полезли из кузова. Здесь только Ирина заметила свою дочь. Смерив ее быстрым взглядом, с едва заметной лаской сказала:

— Давай руку, пойдем умоемся.

Пока женщины у единственного коридорного зеркала поправляли прически и расправляли на груди стеклянные бусы, а мужики смахивали переходящей по кругу щеткой осевшую на пиджаки и брюки дорожную пыль, Аня отмывала лицо, шею и руки. Народ никак не мог успокоиться от торжественности момента, от тряской езды по дороге с шутками и частушками.

— Галина, подай расческу.

— Да куда она тебе, Григорич? Ты ж смолodu лысый ходишь.

– Мишка, вспомнил, как та казачья начинается, на обратном пути затянем...

– Товарищи, – ворчал работник фотоателье, – ну, давайте уже начинать. У меня рабочий день закончился, по вашему делу здесь задержался, а вы так несерьезно.

Возвращались с песнями, гудящий мотор полуторки не мешал веселому настрою. Вечер на этом не закончился, поездка стихийно переросла в вечеринку. Родители привели Анюту домой, а сами, собрав нехитрую закуску, пошли в гости.

Наскоро поужинав и перекрестившись на икону, девочка прошла в комнату. Федор еще не вернулся с белогорского праздника, а Маруся, старшая на два года сестра Анюты, уже лежала в кровати и слушала бабушку Ганну. Старушка остановила свое повествование, обернулась на шорох занавески. Дождавшись, пока Анюта разделась и залезла под одеяло, продолжила:

– Наступит такое время, когда не будут различать мужчину и женщину...

– Да как же это, бабушка? – удивилась Маруся. – Ведь мы юбки носим, а мужики – штаны, у нас длинные волосы, а у мужиков – короткие.

– В Писании так сказано, – отвечала бабушка, – я уж этих времен не застану, а вот вы увидите. Война придет с восход-солнца. Засуха будет длиться несколько лет кряду. Океаны и моря останутся, а та вода, которую пить можно, вся исчезнет. Золото ничего не будет стоить, а вода станет самым дорогим на земле. Люди будут бродить по пустыне, увидят блеск и подумают, что это блестит вода, но находить будут вместо нее одно только золото и проклинать его будут.

Девочки замерли, сдерживая дыхание и боясь пропустить хоть одно слово. Натягивая подбородок одеяла, они чуяли страх за себя и за всю землю.

Старушка говорила:

– Первый конец века был от воды. Жил в то время один праведный человек – Ной. Люди набрались столько греха, что Господь решил наказать их и обрушил Небо на Землю. Вода затопила всю Землю, а Ной, предупрежденный Господом, успел построить ковчег и собрал в нем свою семью и всю скотину сухопутную. Ной с семьей спасся, а когда вода сошла, то выпустил всю животину на волю. Теперь конец веку придет через огонь. Люди не будут знать, где укрыться от него, и все сгинут.

– А что же делать, бабушка? – спросила Анюта. – Как же спастись?

– Никто от этого не спасется, надо только жить по-человечески, большого греха не делать.

Старушка встала с табурета, раздвинула занавески и распахнула створки окна. Открылась улица и кусок неба. Плотным хороводом кружились на небе звезды. Показывая на Млечный Путь, бабушка Ганна молвила:

– По этой дороге все грешники на Страшный суд пойдут.

Поискав на небе еще, старушка показала созвездие Лебедя:

– А вот крест православный. Запомните его и никогда не отрекайтесь.

Дети вгляделись в переплетение звезд с вертикальным столбом и двумя поперечинами.

– А теперь, пока светло, закрывайте глаза, я буду тушить свет.

Девочки нырнули под одеяло, старательно зажмурились. Старушка прочитала короткую молитву, перекрестила внучек и задула керосинку. За спиной послышался жалобный голос Анюты:

– Ба! Я, кажись, глаза неправильно закрыла.

– Смотри не открывай! – предупредила старушка. – Если откроешь глаза, как потом в темноте их правильно закроешь?

Подойдя к кровати, она на ощупь нашла веки Анюты, осторожно и ласково поглаживая их, проговорила:

– Все, теперь правильно они у тебя закрыты, спи с Богом.

* * *

Тамара проснулась от непонятного чувства. Ей не хотелось на двор, и кошмар ей не снился. Она просто очнулась и вышла на улицу. С разных концов села слышался ленивый брех дворовых псов, в дальних садах выводил старательную трель запоздалый соловей – известно, что вьет он песни только до летнего солнцеворота. В хлеву, почуяв приближение утренней дойки, тихо замычала корова. Дремавшая на чердаке кошка спрыгнула вниз и принялась тереться о ноги девочки, выпрашивая свою порцию молока.

Стоя посреди двора, Тамара залюбовалась ночным небом. Звезды низко нависли над селом, от их света готовы были вспыхнуть соломенные крыши домов.

Коротки летние ночи. На востоке уже обозначилась светлая полоска, обещавшая начало нового дня, а из курятников неслась петушина перекличка. Тамара знала: так будет всегда. Она не повзрослеет, братья и сестры останутся теми же и никогда не изменятся, мама будет заботливой и ласковой, а отец не перестанет играть на медной трубе.

Минувший вечер был субботой 21 июня 1941 года.

* * *

Дмитрий Григорьевич Безрученко родился в предпоследний год уходящего века, успел немного повоевать на Империалистической, когда германский фронт развалился – пришел домой. В восемнадцатом попал в красный полк, проходивший через Дуванку. Через несколько месяцев бутурлиновский мужик, однополчанин Дмитрия, помогал Ирине выгружать из подводы ее бившегося в тифозном жару, обовшивевшего супруга. Под всеобщую мобилизацию Дмитрий Григорьевич не попадал. Федору до призыва оставалось целых два года. Снаряжать в армию в этом доме пока было некого.

В белогорской семье Журавлевых отец семейства имел уже преклонный возраст – сорок семь. В Гражданскую он попал в Богучарский партизанский полк, преобразованный затем в дивизию Красной армии, и провоевал в нем до конца войны. За это имел два наградных листа «Красный партизан», гордо висевших на стене рядом с духовой трубой. Виктору в апреле исполнилось только шестнадцать.

Война гремела вдали, ее пока не было слышно, но уже тянула она свои костлявые пальцы сюда, на донские берега. Приходилось каждый вечер, прежде чем зажечь лампу, закрывать ставни и затыкать тряпьем оконные щели. Люди, и раньше пропадавшие на работе с рассвета до заката, теперь не появлялись дома сутками.

С запада приходили тревожные вести, а ближе к осени потянулись первые караваны беженцев. Поначалу отдельные семьи на подводах, запряженных волами и лошадьми. Пейсатые ортодоксы, закутанные в черные шали женщины и седые старики с глазами, полными тысячелетней еврейской печали, несли в донскую степь дух невиданной страны, вывезенный из древних местечек Украины. Белогорцы, провожая взглядами бредущих по осенней грязи скорбных иудеев, понимали: что-то скovyрнулось в этом мире, не придется ли и нам вскорости так же собираться в дорогу?

За беженцами потянулись гурты коров и овец, госучреждения, рабочие заводов, служащие, активисты и все те, кто по разным причинам не захотел оставаться на оккупированной территории.

В Белогорье работали два парома: небольшой пассажирский и вместительный грузовой, рассчитанный на 15-тонную ношу. Были паромы и в других крупных селах, но в Белогорье к переправе и дальше, вплоть до самого Павловска, тянулось каменное шоссе, а это в сезон осенней распутицы было важно.

Среди череды нескончаемых дождей в середине сентября выдался день, блеснувший ярким солнцем бабьего лета. Оно грозило хоть немного подсушить налитанную влагой землю.

Дмитрий Безрученко сидел в конторе заведующего фермой, заполнял ведомости. Украдкой глянув в окно и заметив сгущающиеся за рощей тучи, он с досадой подумал: «Чертова природа, не даст грязюку вывести».

В контору заглянул парнишка:

– Дядь Мить, мы свиньям корм задали, разрешите на обед?

– Скажи бригаде, пусть идут. Я в конторе буду, вернетесь – тоже схожу. Только ворота на ферму снаружи прикройте! – крикнул парнишке вдогонку Дмитрий.

Грозовые тучи наплзали все плотнее. Отдельные крупные капли, принесенные ветром, стали барабанить в окно. Взрыв грохнул одновременно со вспышкой молнии. Дмитрий почуял под ногами земную дрожь. Через окно конторы он разглядел полыхнувшую крышу фермы. Он кинулся к воротам, сдернул крючок, распахнул створки настежь.

Свиньи таранили боками перегородки и стены, обрушивая с них глину, гневно рыли пятками землю. Дмитрий бросился открывать калитки, в спешке выгонял свиней из станков. Вбежавшие от испуга, метались они куда попало, несколько раз сбивали его с ног. Труднее всего пришлось со свиноматками: скаля пасти, они не желали никого подпускать к поросятам.

Выломив жердь, он отчаянно хлестал их, выгоняя на улицу. Свиньи выбегали в огороженный пряслами загон, обезумев от страха, кусали друг друга. Дмитрию не давали покоя две убитые молнией свиньи, он видел их мельком в одном из загонков. «И за них ведь спросят», – пронеслось в голове, и он побежал обратно на ферму.

Косые струи дождя полосовали Степана, родного брата Дмитрия. Он возвращался из Павловска и за стеной воды не сразу заметил поднимавшиеся в небо клубы желто-серого дыма.

По полю бежала мокрая баба и голосила:

– Митька Крайнюк сгорел!

– Брешешь! – остановил ее Степан.

– Сама видала, внутрь забег, а назад – нету!

Степан побежал на ферму и не узнал брата: опаленные волосы превратились в рыжую шапку, рот от страха перекосило набок, в потерянных глазах – смертельный испуг. У его ног лежали две наполовину обугленные молнией свиньи.

Степан ухватил Дмитрия за рукав, потащил на улицу.

Из деревни бежали люди, но дождь уже справлялся с пламенем. Дмитрий сидел неподалеку, немигающими глазами смотрел в землю. Степан отливала его водой.

Домой Дмитрия привезли вечером, самостоятельно стать на ноги он не мог. Увидев мужа, Ирина залилась горьким женским плачем.

Через неделю, договорившись о транспорте, она повезла мужа в Павловскую больницу. Престарелый доктор, не попавший на фронт по мобилизации, осмотрев пациента, вынес вердикт, а точнее, приговор – рак кости. От полученного шока кости стали чернеть, на рентгеновских снимках было видно, что болезнь быстро развивается, чернота стала переходить на легкие и сердце. До приезда в больницу Ирина думала, что муж, хоть и останется инвалидом, но будет жить. А теперь...

С каждым днем Дмитрию становилось все хуже. Боли усиливались, он не мог встать на ноги, не мог лежать, часто просыпался среди ночи. Жена подкладывала ему под спину кучу подушек, фиксировала его, – только так Дмитрий мог заснуть на некоторое время.

В семье готовился новый хозяин, на молодые плечи которого жизнь, не спросивши, взваливала отцовские заботы. Федор с началом осени поступил на курсы трактористов и, получив к зиме квалификацию, стал работать в МТС.

Как-то, вернувшись поздним вечером с работы, он жадно набросился на ужин. Мать села напротив и, подперев кулаком щеку, внимательно посмотрела на сына. Он заметно повзрослел за эти месяцы: смуглое красивое лицо приобрело серьезность, но оставалось таким же гладким, без единого волоска. На его тельняшке позвякивали комсомольский значок, значок ГТО и Осоавиахима.

– Ну, как на работе, тяжело? – как всегда, спросила Ирина.

– Ремонт, мама, ремонт, – обжигаясь щами, ответил Федор, – в поле выйдем, тяжелее начнется.

– Куда летишь-то? Не торопись, – ласково сказала она.

– Заседание комсомольское, опаздываю.

Закончив с ужином, Федор накинул фуфайку и торопливо оглядел кухню. Маруся, вплотную придвинувшись к лампе, вполголоса учила заданный на дом стих: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то... зарыдает...» Приоткрыв заложенный пальцем учебник, Маруся хотела заглянуть в забытую строчку, но Анюта, на пару с бабушкой штопавшая шерстяные носки, выпалила:

– То заплачет, как дитя!

– Цыть! – замахнулась на младшую внучку баба Ганна. – Не мешай.

– Да чего она триста тридцать три раза долдонит?

– Замолчь, сказано. Сама бы в школу шла и училась, а из-за спины нечего подсказывать.

С печки доносился тихий стон отца. Федор хотел остаться: послушать сводку Информбюро, прочтенную Марусей, а потом рассуждения бабушки; помочь Марусе с математикой; запомнить сказку, рассказанную бабушкой, и в темноте повторять слова молитвы, читаемые ею. Улыбнувшись матери, не сводившей с него глаз, он отворил дверь и шагнул в темноту, ударившую его ворохом колючих снежинок.

После Нового года из Дуванки стали эвакуировать скот и материальную базу обоих колхозов. МТС, в которой работал Федор, отправили в Урюпинск. Сборы были спешные. Ирина с вечера наготовила в дорогу продукты и, уложив детей спать, долго не могла заснуть сама. Материнское сердце говорило, что за этой поездкой в другую область, где он так же, как здесь, будет возделывать землю, стоит что-то иное. Она не могла знать, что через полгода, когда правый берег Дона займет враг и в далеком Урюпинске выяснят, что их Дуванка находится в прифронтовой зоне, забреют всех парней бригады в армию.

Посреди февраля, в трескучие морозы, умер Дмитрий Григорьевич. Мужики весь день жгли костер и долбили ломами мерзлую, чуть оттаявшую после огня землю. На исходе короткого зимнего дня к разрытой яме подошла небольшая похоронная процессия.

Гроб сняли с саней и взяли на руки брат и друзья Дмитрия. Расторопная соседка по прозвищу Котыха поставила в снег две табуретки. Маруся с Анютой, торопливо приложившись к ленточке с «Живыми в помощь» на лбу отца и утирая слезы, отошли в сторону. Ирина упала на грудь мертвого мужа и забилась в причитании. Степан поднял ее, крепко взял за плечи и отвел от гроба:

– Забывайте!

Мужики быстро накинули крышку, а колхозный шофер, дядя Митрофан, торопливо перекрестился зажатými в пальцах гвоздями:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас, грешных!

– Иришка, – тряс Степан за плечи вдову, – посмотри на детей. О них кто подумает, кроме тебя? Кончай это дело, кума!

Он вел ее под руки до самого дома.

* * *

Через две недели на их улице умерла одна женщина. Дочь покойной пришла к Ирине с просьбой:

– Иришка, разреши мою мать в ту ж могилу положить, где твой Митька захован. Сама знаешь, земля промерзла, а денег с копачами расплатиться у меня нет.

Вдова угрюмо взглянула на девушку из-под опухших век, тихо молвила:

– Иди у Степки спроси. Мне-то что, мне не жалко.

Степан согласился при условии, что могилу раскапывать будет он сам. Хотя эта земля тоже была промерзшей, но она еще не успела слежаться, и Степан быстро справился с новой могилой. Дойдя до гроба, он сделал нишу в стенке ямы, куда должны были опустить гроб с новопреставленной покойницей.

На кладбище пришла и Ирина с детьми. Став у края разрытой могилы, она, стесняясь своей просьбы, сказала:

– Кум, открой гроб, одним глазком погляжу только...

– А тужить не начнешь? – спросил Степан.

– Не буду, – заверила женщина.

– Дядька Степан, – подала голос Аня, – и мне покажи!

Он спустил девочку на дно ямы. Уперев топор в щель меж крышкой и гробом, Степан отогнул гвозди. Аня увидела отца таким же, каким он был в день похорон, лишь легкий иней был на его лице и одежде.

– Как живой, – всхлинула Ирина и завывала в голос.

Степан подхватил на руки Аню, поднял ее наверх, а сам вернул крышку на место и заколотил гвозди обратно.

Глава 2

Настало лето 1942 года. После успеха Московской битвы все ждали коренного перелома. Были среди крестьян и, мягко говоря, сомневающиеся. Еще меньше было тех, кто втихую бормотал: «Скорей бы пришли немцы да наладили краснопузых отсюда».

В конце мая саперно-понтонный батальон построил по соседству с белогорскими паромными наплавной мост. С обоих берегов его оградил шлагбаумами, в сторожках бакенщика и паромщика разместился караул из комендантского взвода. Еще один КПП организовали на выезде из села, здесь же, в крайней хате, обосновался и сам начальник переправы.

Закончив мост в Белогорье, саперы двинулись вверх по Дону, к хутору Ковалев, где тоже ходил паром, и там приступили к закладке нового моста.

Местный юродивый Петрушка Зиньков, старик, ходивший зимой и летом в длинном шерстяном рубище, около свежей понтонной переправы показывал на траву соломинкой и говорил, что трава здесь будет красной. Старец обитал то в Белогорских, то в Костомаровских пещерах и, проходя по улицам села, насыпал на дороге маленькие бугорки земли, отчетливо напоминавшие могильные холмики. Те из белогорцев, кто успел убедиться в прозорливости юродивого, истово крестились, прося у Господа милости и защиты.

Из соседнего села Карабут долетел тревожный слух. Будто бы поутру бабы, половские соняшники², нашли в кустах оброненную рацию.

По свежему следу прибыло подразделение НКВД. Среди местных сразу нашлись свидетели, утверждавшие, что видели накануне солдата без пилотки, шедшего к школе, где был расположен пост ПВО. Здесь незнакомцу удалось-таки обзавестись пилоткой, дальше он сел на пассажирский пароход и махнул вверх по Дону, к Лискам. Тщательные поиски добавили к общей картине и потерянную пилотку.

Тревожную новость сглаживал анекдот. Одна из старушек, бывшая среди баб, нашедших рацию, в виде вознаграждения за ценную находку ходила за офицером и выпрашивала у него хромированный винтик для вставного зуба.

В семье Журавлевых перед Новым годом Ольга родила девочку – Галю. Тамара, Виктор и Антонина взяли на себя заботу о младших, стряпню и уход за скотиной.

Одним июньским вечером отец вернулся с работы сильно опечаленный.

– Стряслось чего, Саш? – спросила его жена.

– Повестку вручили, – негодовал тот. – Я им толкую, что у меня семеро по лавкам, что мне уже годов-то сколько, а они говорят: «Раз бумага пришла, там лучше знают».

– Витька! – прокричала Тамара на улицу. – Батю в армию забирают.

В этот момент у двора остановились дрожки, парень вышел встречать гостя. Привязав поводья к столбу, незнакомый мужчина обнял за плечи Виктора, вместе они вошли во двор.

– Батюшки, Сергей! – глянув в окно, обрадовалась Ольга.

Тамара поняла, что приехал младший брат матери, дядя Сережа, который жил в Лисках и состоял на должности директора конторы Главзаготскота. Зайдя в дом, мужчина начал по очереди обнимать племянников и племянниц. В красивом скуластом лице, в манере поведения, в одежде и движениях чувствовалось его отличие от деревенских мужиков.

– Ну, какие «жили-были»? – сев на лавку, поинтересовался он. – Не рады видеть, что ли?

– Да какое уж теперь веселье, – ответила Ольга. – Сашку вон в армию мобилизуют. А куда я со своим выводком без мужика?

– Это еще не печаль, – попытался подбодрить Сергей сестру. – Муж живой? А ты его уже хоронить собралась. Да у тебя дети подрастают. Витька вон какой бычок стал.

² Подсолнух (*суржик*).

– А детям, думаешь, не тяжело? – отмахнулась Ольга.

– Не волнуйся, Александр Иванович, – Сергей взял зятя за локоть, – я их не оставлю, как своим помогать буду. Да они и есть мои.

* * *

С первых чисел июля к селу снова потянулись караваны беженцев. Повторялась история осени прошлого года, только помноженная в разы. Потоки людей бесконечной вереницей тянулись по дорогам от станций с Подгорного, Сагунов и Россоши. Село манило своей надежной понтонной переправой. Люди стремились уйти на левый берег. Особой тревоги у белогорцев новая эвакуация не вызвала: ну, идут, так и в прошлом году шли; ну, гонят скот, так и в прошлом году гнали. Как-то пронесся слух, что с беженцами видели и военных.

Тамара, справившись с домашними заботами, пошла к шляху проверить эти вести. Во дворе школы она встретила одноклассницу Бабичеву Марусю. От нее узнала, что завтра будет торжественная линейка: проводы десятиклассников в армию.

– Представляешь, и девушек тоже на фронт отправляют. Нашему седьмому классу надо быть в полном составе, – заявила Маруся.

– Ой, Маруся, я не смогу, работы дома много.

– А я после линейки в Павловск пойду. Поступать собираюсь в педучилище. Документы сегодня забрала из школы, – похвалилась подруга Тамаре.

– Везет тебе, Машка. А я от работы куда денусь? Дети вон на мне да на Тоньке.

– Гляди! – прервала Маруся подругу и указала на дорогу. – И вправду военные!

По шляху, покрытые толстым слоем пыли, топали изнуренные солдаты, в основном молодые, неокрепшие. Неразношенные пилотки неуклюже торчали на стриженных головах. Бойцы сгибались под тяжестью вещевых мешков и винтовок. Позади тянулись несколько телег с ранеными. Уложив забинтованную ногу на дно повозки, а здоровую свесив наружу, на замыкавшей обоз двуколке сидел невзрачного вида солдатик. Он играл на гармошке нехитрую мелодию, словно казахский акын, напевая проходящие на ум строчки:

*Возле древнего села – русская пехота,
Отступая к Дону, шла численностью рота.*

Старик на деревянном протезе, стоявший тут же в школьном дворе, закричал на него:

– Время ли для песен-то? Рад, что ноги за Дон уносите?

– Я свое отвоевал, папаша, – спокойно ответил тот. – Скоро, как тебе, одну конечность оттяпают. Пою вот, чтобы братишкам не так тяжело по ухабам скакать было, – махнул он на лежащих в телеге раненых.

– А я-то думал, отомстите германцу за нас. Видишь, с четырнадцатого года на колодынке прыгаю!

– Еще посчитаемся, батя! – говорили из толпы угрюмые бойцы.

Вернувшись домой, Тамара рассказала, что видела. Виктор добавил своих сведений. Оказывается, собирают вещи многие белогорские активисты и партийные, в том числе и первый секретарь райкома Кошарный. В редакции «Большевика» начали разбирать печатные станки, оно и понятно – придет немец, начнет свою агитацию размножать, печатный станок нынче – оружие грозное, поважнее пушки будет. Все трактористы теперь в МТС ночуют, их даже по домам не отпускают. Из штаба истребительного батальона разносились инструкции: во всех семьях готовить тревожные чемоданы с продуктами и вещами, стаскивать их в погреба и подвалы. В случае бомбардировок придется отсиживаться именно там и выйти наверх за едой возможности не будет. Уже мобилизованного семнадцатилетку Николая Сиволодского вдрут

отпустили домой, и в тот же день его видели на телеге, груженной тулупами и ящиками с провизией. Говорили, что парня оставили организовывать партизанское сопротивление, и он теперь свозит вещи в лесной схрон близ урочища Круглое.

Ольга терялась в слухах, бродила по дому, машинально выполняла привычную работу, монотонно бубнила:

– Лихоманка какая... Куда ж нам деваться? Вот и отца вашего забрали. Был бы отец, чего-нибудь сообразил. Может, задержат их наши... не пустят сюда?..

Глава 3

С военного аэродрома в Харькове поднялся небольшой транспортный самолет. Немецкий борт нес трех парашютистов. Из кабины летчика в пассажирский отсек вышел инструктор. Сев рядом с крепким брюнетом лет сорока, закричал ему на ухо:

– Через полчаса, господин майор!

Майор, носивший фамилию Кремер, молча кивнул.

– Позвольте нескромный вопрос, господин майор? – не унимался инструктор. – Кем вы будете у русских?

– Тоже майором, – усмехнулся Кремер.

Он отвернулся к иллюминатору. Его фальшивая биография была безупречной. То, что он много лет жил в Лиепае, объясняет его прибалтийский акцент, оттого-то ему и дали документы с латышской фамилией. В случае если у русских найдется латыш, Кремер сможет ответить ему на его языке. Но это вряд ли, прибалтов в Красной армии мало.

Он стал вспоминать, сколько раз жизнь сталкивала его с русскими. Родился во времена империй, рос в портовом городке, который в то время носил русское название Либава. Юношей его завербовала германская разведка, и он шпионил на них до 1915 года, когда в город вошли кайзеровские войска. После войны немцы ушли из Прибалтики, но Кремер долгие годы поддерживал связь со структурами из фатерланда.

В 1940-м, накануне прихода в Латвию Советов, он покинул республику. Границу Кремер перешел в составе диверсионного полка «Бранденбург- 800», ночью 21 июня, за сутки до первых залпов. Нарушив телефонную линию Белосток – Гродно, группа Кремера устроила путаницу в управлении военного округа.

И вот новая операция. Она, как и предыдущие, Кремер был в этом уверен, обязательно увенчается успехом. Нет ни тревоги, ни беспокойства.

Двое других, бывших с Кремером, тоже в эту минуту вспоминали свое прошлое. Первого звали Антон Гриднев. Он был сыном промышленника, эмигрировавшего сначала в Сербию, затем в Германию. С детства у него осталось одно-единственное воспоминание о большевиках. Страшные дядьки в шинелях и кожанках вломилась в их дом, шныряли по комнатам, плакала мать, насупив брови, молчал отец. Затем – переполненный эшелон, идущий на юг, пароход, море, бросавшее на палубу обжигающе-холодные брызги. Долгие годы оторванности от родной земли, не утихающая с годами злоба. Когда начался Восточный поход, ему предложили сотрудничество.

Второй, Петр Цикавый, был выходцем из Галиции. До сентября 1939 года его отец имел участок в четыре гектара. Старший брат Петра, проходящий действительную службу в Польской армии, погиб 17 сентября в районе Тернополя. Коммунисты отобрали у отца имение и отдали землю совхозу, а самого его, как кулака, выслали в Сибирь. Петр полтора года провел в следственном изоляторе, в итоге подписал бумагу, в которой отрекался от отца-кулака. Выйдя из тюрьмы, он так и не смог вернуться в родной хутор. Цикавый уехал в город, устроился грузчиком на железнодорожном вокзале. Не раз ему приходилось вспоминать слова отправленного в ГУЛАГ родителя:

– Запомни, сынок, давно у нас с русскими завязался клубок. Я воевал против них шесть лет. С девятьсот четырнадцатого под знаменами Франца-Иосифа, – отец оборачивался к фотографии, где он был запечатлен в форме сечевого стрелца – украинского добровольца австро-венгерской армии. – Когда встал вопрос, под кем лучше жить: под ляхом или под москалем, я без сомнений вступил под начало Пилсудского и оборонял Галицию от конармии Буденного. А твоя тетка Палагна, моя сестра, два года была связной между австрийскими шпионами по

обе стороны русского фронта, но ее повесила контрразведка москалей. Не забывай, ради чего твои предки проливали кровь, Петро, а придет время – отомсти.

С приходом немцев Петр вступил в ряды ОУП, проявил себя в борьбе с партизанами. В конце года его документы легли на стол к начальнику Львовского СС. Пройдя проверку, а затем подготовку в школе абвера, Цикавый попал на советский фронт.

...В салон самолета вошел штурман с картой в руках.

– Приготовьтесь, – сказал он, – подлетаем.

Диверсанты выстроились вдоль правого фюзеляжа. Штурман вернулся в кабину, снова сверил приборы с картой и, вернувшись, коротко сообщил инструктору:

– Пора.

Тот распахнул люк, в салон ворвался поток ревущего ветра. По отмашке диверсанты один за другим исчезали в черном провале. Ночь была безлунная, небо чистое, звездное.

Они приземлились на холме, внизу тек Дон. Светлая песчаная полоса тянулась по противоположному берегу. Из крутого склона горы торчали огромные меловые глыбы. За склоном начиналось горло узкой балки. Там угадывались побеленные стены хат и построек.

От ближней кошары заблеяла овца. Ей ответила собака, залившись отчаянным и коротким лаем.

Сбросив с себя парашюты и десантные комбинезоны (под которыми была форма внутренних войск), диверсанты свалили их в кучу, облили из фляжки керосином и подожгли. Свелись по компасу с картой, спустились с холма к реке и направились вверх по течению.

– Молодец штурман, – сказал Кремер, – выбросил, где надо: двумя километрами южнее Белогорья. К восходу надо быть на мосту.

Пройдя за ночь рыбацкими тропами вдоль Дона, в предрассветных сумерках Кремер обнаружил переправу. По мосту уже началось движение, хотя, может быть, оно не прекращалось и ночью.

Раскидистая верба накрывала шатром прибрежную площадку у моста. Рядом с поднятым шлагбаумом стоял часовой. Сонным и равнодушным взглядом провожал он коровье стадо. Какое по счету за эти дни? Часовой порядком притерпелся, наблюдая за потоком военных, гражданских и животных, усталость его зародила первые очаги апатии.

– Доложите по форме! – набросился Кремер на задремавшего красноармейца.

– Стрелок... комендантского взвода охраны... – приложив руку к пилотке, попытался ответить солдат.

– В чем дело, боец? – не давая ему опомниться, вновь резко заговорил Кремер. – Забыли форму доклада?

– Никак нет... товарищ майор, – рассмотрев наконец две шпалы в петлицах Кремера, ответил солдат.

– Давно на часах? – обратился «майор» к часовому.

– Всю ночь.

– И что, никто не сменил?

– Никак нет, – не пытаясь придавать голосу жалости, геройствовал часовой.

– Я снимаю вас с поста, боец, – коротко заявил Кремер. – Идите отдыхать.

Солдат оторопел от такого приказа. Он помнил, что с поста может снять только начальник караула либо разводящий, но за эти дни он насмотрелся на такие нарушения правил, прописанных в Уставе, что тут же пошел к ближайшему кустарнику, чтобы завалиться и выспаться. В последний момент какая-то сила превозмогла в нем усталость, в голову пришло решение пойти к своему командиру и доложить о случившемся.

Кремер уже вошел в роль начальника КПП. Как только промелькнул хвост последней коровы, ступившей на дощатый помост, за ней опустили шлагбаум.

Рассвет окрасил листву на кронах деревьев, из-за горы поднимался край багрового солнца. К переправе двигалась очередная партия беженцев на телегах и подводах. Навстречу им усталой походкой плелся снятый Кремером с поста часовой. Кремер схватил за рукав Цикавого, притянув к себе, прошипел ему в ухо:

– Убери его, быстро.

Цикавый коротко кивнул. Догнав часового, гуцул грубо схватив его за плечо:

– Товарищ майор документы твои требуют.

Тот машинально потянулся в карман гимнастерки, но, засомневшись, остановился. Цикавый бегло посмотрел по сторонам и толкнул солдата. Часовой оступился, но на ногах устоял. Схватившись за ремень винтовки, часовой хотел сдернуть ее с плеча, Цикавый новым ударом швырнул сонного солдата в заросли лозняка. Насев сверху, разбил ему лицо и отобрал винтовку. Закрывая губы и нос, боец хотел было закричать, но не успел: Цикавый с размаху проткнул его штыком. Кровь стекла по каналцу штыка и смешалась с росой. Сегодня земле предстояло напиться ею всласть.

Глава 4

Дорога запружена – «форды», «газики», «зисы», крытые громадные «студебеккеры». Какие-то тележки, пустые передки. Много верховых. Двое обозников на коровах. Прикрутили обмотки к рогам и едут. И все это с криком, гиком, щелканьем бичей движется куда-то вперед, вперед, на юго-восток, туда, за горизонт.

В. Некрасов. В окопах Сталинграда

Погибший часовой спешил к своему командиру, в хату на окраине села. Там-то и был настоящий КПП, который перенесли от моста с началом массовой эвакуации. Командир комендантского взвода и сам не понимал, для чего здесь поставлен его пропускной пункт. Он знал, что нельзя создавать проволочек, ограничился лишь проверкой документов у командиров подразделений, но каждый день ему приходили новые указания, противоречившие одно другому, а заодно и здравому смыслу.

Буквально вчера к коменданту прибежал бригадир местной МТС и спрашивал: когда настанет их очередь для переправы. Люди вторую неделю не расходятся по домам, ждут, когда поступит команда отправлять трактора на левый берег.

Комендант полистал инструкции, порылся в приказах и сообщил:

– От сего числа на девятый день.

Кремер на переправе стал создавать затруднения. Он остановил колонну беженцев и стал скрупулезно проверять документы, выяснять, чьи дети сидят в телегах.

В хвост вереницы с беженцами уперлась артиллерийская батарея на конной тяге. Подразделением командовал младший лейтенант Вячеслав Шинкарев, едва отметивший девятидцатилетие. Его батарея всю зиму простояла в обороне под Волчанском, теперь вот уже неделю отступала с фронтом. Увидев затор у моста, Слава побежал выяснить причину. Он приложил руку к пилотке, сделал три строевых шага к Кремеру, четко доложил:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Говорите, лейтенант.

– Как долго продлится задержка?

– Как только я проверю документы всех граждан, сразу начну проверять ваши.

– Товарищ майор, у меня важное задание командира дивизии: переправиться на тот берег и занять со своей батареей оборону на случай прорыва вражеских танков к переправе.

– А у меня приказ моего командования: без тщательного досмотра и проверки документов на тот берег никого не пропускать. Пока готовьте списки личного состава, лейтенант.

– Товарищ майор, да вы поймите...

– И вы поймите, лейтенант! – повысил голос Кремер. – А вдруг под видом беженцев к нам в тыл проникнут диверсанты? А вдруг в телегах они везут взрывчатку? – Рука «майора» указала на торчащие из тряпья головы детей.

Шинкарев зашагал к своей батарее, про себя бормоча: «Будто диверсанты такие дураки, чтобы без документов сюда соваться, у них-то с документами уж точно все в порядке будет».

К понтону подкатила легковая «эмка», из нее вылезли несколько офицеров. Долговязый полковник первым подошел к «майору» и потребовал предъявить документы. Кремер подал удостоверение.

– Из Риги родом, майор?

– Из Лиепай, товарищ полковник.

– Когда ж успел до майора дослужиться?

– Я с 1917 года в латышских стрелках! – произнес Кремер с чувством. – После войны пятнадцать лет прослужил в ЧК.

– Это офицеры моего штаба, – протягивая документы, кивнул полковник на свое окружение (у них документы проверяли подручные Кремера).

– Можете следовать, – Кремер вернул бумаги полковнику. Он четко помнил установку: не задерживать высший командный состав.

Полковник сел в машину, никто из его свиты не стал тратить время на выяснение причины создавшейся пробки. У людей с большими петлицами – большие дела.

Беженцы все прибывали, не желая становиться в хвосте батареи, объезжали ее. Натыкаясь на «майора», повозки усугубляли затор. Скоро все пространство перед мостом было запружено беженцами.

Давно заметив медленно ползущий с левого берега паром, Шинкарев двинулся встречать его у речной кромки. Среди паромщиков Вячеслав быстро отыскал старшего и познакомился с ним.

– Извини, лейтенант, – ответил паромщик, – не могу. У меня приказ от майора: на паромы грузить только технику.

Услышав о майоре, Шинкарев обернулся и вопросительно кивнул в сторону Кремера.

– Нет, – покачал головой паромщик, – у меня свое начальство – майор Соболев. Он всей переправой управляет.

Кремер торопил своих и чужих солдат, беженцев, даже покрикивал на паромщиков, создавая вид радения за дело, однако этим только создавал лишнюю суету. Видя это, Шинкарев все больше раздражался. Набравшись смелости, он в очередной раз подошел к Кремеру со списком в руках. Забрав список, «майор» даже не взглянул на него, кружась среди напиравших со всех сторон командиров.

– Ваша фамилия, младший лейтенант? Отставить панику! Вы командир или кто? На вас люди смотрят! А вы упаднические настроения создаете. Отойдите в сторону и не мешайте. В первую очередь надо переправить технику и материальную базу, а люди в крайнем случае и вплавь могут.

– У меня техника, у меня! – вырвался вперед толстый капитан.

– Что у вас?

– Грузовики со снарядами.

– Подгоняй к понтону.

– Да как же тут подгонишь? – нервничал капитан. – Шагнуть и то некуда!

Кремер и сам это видел, сохраняя спокойную холодность, хотя внутри него все ликовало. Машины пытались объехать скопления пехоты по обочине, но все равно упирались в людскую массу. Беженцы растекались по окрестным лугам. Со станции Сагуны шли колонны грузовиков, набитых военным имуществом. Поток заполнил Октябрьскую и Набережную улицы, длинным охвостом терялся в глубине Белогорья.

Дорога, ведущая на Семейки и Россошь, скрывалась в клубах пыли, поднятой колесами телег, копытами скотины и ногами погонщиков. Гурты овец, стада коров, табуны лошадей, гонимые из Курской области, осушая колодцы и сминая траву в полях, вернули времена Батыева нашествия. Беженцы, следовавшие этой дорогой, хлынули на луг между Долгой улицей и Манжаркой, перевалив через каменную дорогу, ведущую к переправе, затопили луг между Доном и Кошелевой горой.

Третья дорога, из Подгорного, оказалась самой загруженной. Затор шел через всю центральную улицу Коминтерна, выходил за пределы села и еще на два километра тянулся по шляху в чистом поле.

У переправы вырос еще и водный затор. Караван речных сухогрузов, вышедший из Лисок два дня тому назад, уперся в понтон. Чтобы суда могли пройти дальше, мост нужно было на

время развести, но бестолочь и толкотня не давали освободить полотно моста, тем более развести его. Трюмы барж были набиты демонтированным оборудованием, станками, архивами, документацией, хлебом и сливочным маслом. Речной караван остановился на плесе, близ левобережного села Бабка, стал маскироваться корабельными командами.

Ревущий скот, гомон тысяч людей, скрип немазанных осей, разнокалиберный гул работающих двигателей – стоголосый клич того утра. Он гнетуще вдавливал голову в плечи, точил сердце. Пугало отходившее войско. Не отдельные части и подразделения шагали походным маршем – отступал целый фронт.

Тамара, покормив детей, хотела выйти во двор, но замерла на крыльце. С бугра, на котором стоял их дом, открывалась широкая панорама. Луг от донского берега до Кошелевой горы клокотал гигантским муравейником. Люди, телеги и скот двигались по полю в неразберихе. Девушка позвала Виктора и Тоню. Бросив дела, они подошли к сестре. На порог вышла мать, держа на руках семимесячную Галю.

– Господи, помилуй! – выдохнула она. – Отродясь Белогорье такого не видело...

– Долго они тут будут? – непонятно у кого спросил Виктор. – Всю траву в лугах потравят.

– Такого миру понагнали, за неделю не переправятся, – сокрушенно призналась мать.

От Подгорного наплывал отдаленный гул. Все спустились с крыльца во двор, всмотрелись. В небе с редкими кучевыми облаками появились черные точки. Они росли, у бесформенных комочков обозначились крылья, хвостовые лопасти. Над двухэтажной школой, над краснокирпичными корпусами больницы, над кладбищем с двухвековыми могилами, над горсадом и Домом Советов, над толпами беженцев и армейскими колоннами, скопившимися в центре села, плыли проклепанные туловища из дюрала и алюминия. Пролетев Белогорье, они пошли к переправе. Тамара видела, как от самолетов отделилось по несколько черных брусков, как бруски эти стремительно полетели вниз. Выше древесных крон взметнулись столбы земли с дымом, и только потом донесся невообразимый грохот разрывов.

Ольга, на ходу качая проснувшуюся Галю, скрылась в доме. Дети остались на улице, продолжая смотреть на выраставшие столбы воды и султаны земли, перемешанной с камнями шоссе, остатками телег и человеческих тел. Увидев, что вместе с водой в воздух полетели доски и бревна, Виктор произнес:

– В мост попали...

Глава 6

Белогорьевская драма. Какой-то подлец и кретин – белогорьевский комендант решил перед мостом проверить путевки у всех шоферов. Сбилось в кучу более трех тысяч разных машин. Ругань, спор, бедлам. Прилетело 27 бомбардировщиков. Истребляли дотла. Что делалось, невозможно ни описать, ни забыть. Сгинуло ни за что немало людей, немало машин покалечено, сожжено. И все из-за одного дурня. И никто не связал его, не застрелил. Я уверен, что он и до сих пор где-то «не пуцает».

Из дневника кинорежиссера А. П. Довженко

Кремер, заметив нараставшие в небе самолеты, с облегчением выдохнул и не смог сдерживать довольной улыбки. В последний момент ему казалось, что их просто пристрелят на месте без суда и следствия. Один смуглый, должно быть грузин, уже два раза хватался за кобуру, лишь выдержанный взгляд Кремера заставлял его отступить.

Наблюдатель ПВО, стоявший на открытом месте у переправы, оторвался от окуляров бинокля и, обернувшись к зарослям на левом берегу, где была замаскирована зенитная батарея, торопливо замахал флажками. Толпа давно смотрела на небо, пытаясь отыскать в нем причину тошнотворного гула.

Кремер знал, сейчас грянет паника, и всем станет наплевать на его компанию, даже этому вспыльчивому грузину.

Укрывшись в прибрежных камышах, они перевели дух и переглянулись.

– Ну, считай, полдела сделано, – радовался Цикавый. – Теперь бы только под свои бомбы не попасть.

– Не каркай, – оборвал его Гриднев. – Еще надо до прихода наших дожить. После бомбежки группу за нами отправят, уйти бы успеть.

Цикавый присел под упавшим на голову потоком воды, процедил медленно:

– Какая к чертям облава? Не до нас им.

Первые бомбы упали на площадку перед мостом, сплошь заполненную людьми. Смешались с землей каменная кладка шлях, телеги, грузовики, люди. Заходящие в пике штурмовики каруселью прокатились над мостом. Мост дрогнул, казалось, подпрыгнул вверх, оторвавшись от воды, и переломился пополам. Вниз по течению поплыла куча деревянного мусора. Один из паромов медленно пополз через реку, но под левым берегом его поразила бомба. Паром накренился, грузовики на нем поползли, пошли соскальзывать в воду. Самолеты прошли над людским скопом, освобождая железное нутро, легли на обратный курс.

– Дело сделано, – тихо сказал Кремер. – Хотя, если быть честным, в этом нет нашей заслуги. Русские – плохие организаторы, теперь мышеловка плотно захлопнута.

– Колите дырку для ордена, «товарищ» майор, – не без лести заметил Гриднев, – или звание новое дадут.

– Звания просто так не дают, – еще тише сказал Кремер. – А теперь – на животы и вон к тем зарослям. И чтобы травинка не шевельнулась. Дождемся ночи, уйдем в укромное место. Надо продержаться сутки, потом придут наши.

Все трое заскользили через высокий камыш. Кремер подумал: «Снова удача! Кто королем рожден, тот будет править».

Глава 7

Дым огромный. Машин до хрена. Наш марирут дан через Богучар, но регулировщик говорит, что там переправы нет, и направляет на Белогорье. Едем туда. Несколько налетов. Останавливаемся в лесах. На дорогах видны свежие воронки.

Из дневника Л. К. Бронтмана, сотрудника газеты «Правда»

Младший лейтенант Шинкарев растянулся рядом с колесом сорокапятки, пролежал так всю бомбежку, боясь отнять руки от головы. Кругом металась земля, и лейтенанту казалось, что еще секунда – и следующая противно свистящая болванка свалится ему на спину. Не раз его засыпало землей, а под конец прилетела оторванная нога в солдатском сапоге и упала прямо перед лицом.

Разрывы стихли, но вопли раненых он слышал не сразу, они пробивались сквозь толстую ватную подушку, словно боялись снова призвать взрывы на свою голову. На изрытой воронками дороге шевелилось орущее кровавое месиво из людей и лошадей.

Шинкареву приходилось видеть трупы. День назад они попали под такой же авианалет. В узкой балке меж двух холмов их гоняла двойка «лаптежников». На дне балки через канаву тянулся хлипкий мост, едва выдерживавший полуторку. Когда все кончилось и поток войск снова в беспорядке рванул к мостку, там создалась пробка, гудели машины, висела в воздухе ругань.

Шинкарев проломился сквозь толпу, вступил на шаткие доски помоста. В машине, закурившей переправу, лежали раненые, из кузова доносились стоны. Лейтенант с гневом рванул водительскую дверцу, хотел отругать шофера, но едва успел подставить руки – убитый вывалился прямо на него.

Еще неделю назад он замирал с ложкой у рта, слушая рассказы своих повоевавших бойцов: «Под Киевом дело было. Бой страшный, себя не чувствуешь... Подносчику осколком живот распахало, так он со снарядами еще шагов несколько пробежал, а потом кишки выпали, он на них наступил... его так и приземлило».

Теперь Слава мог и сам рассказать такое, отчего не только замрет ложка у рта, но и кровь в жилах застынет.

Сегодняшний налет у Белогорья был страшнее вчерашнего. Переправа закипела работой: раненых сносили под деревья, помогали дойти туда и укрывали под ветками на случай нового налета. Командиры строили подразделения, подсчитывали потери. Среди снующих военных оказался майор с топориками саперных войск в петлицах, стал раздавать указания.

Подбежав к нему, Слава отрапортовал. Быстро смерив его взглядом, майор протянул руку:

– Соболев. 19-й понтонно-мостовой батальон. Материальной базой обладаешь?

– Имею орудия, но без снарядов, обещали подвезти...

– Сейчас сюда пробиваются мои ребята на грузовиках, а там у них столбы телеграфные, двуручные пилы, лопаты – все, что нужно для ремонта понтона. Одними столбами, чувствую, не обойдемся, придется еще деревья валить. Давай так сделаем: со своими пушкарями поищешь лошадей и подводы. Потом поедете в село, реквизируете у местных пилы, топоры и скобы. Шагай, лейтенант, действуй.

Козырнув, Слава поспешил к своей батарее. Слушая майора, он вспомнил несколько пословиц, где говорилось о жареном петухе, ударе грома, крестящемся мужике и загадочном раке, свистящем на горе.

Шинкарева и его добытчиков во дворах встречали по-разному: где-то безропотно выносили инструмент, словно тем самым платили повинность; в других дворах солдатам и рады были бы помочь, но у самих хоть шаром покати. Встречались дворы, где просто жалели расставаться с имуществом, зная, что никто им его назад не вернет.

На обратном пути Шинкарев попал в центр села, надолго завязнув в скоплении повозок и машин. Здесь сходились три дороги, по которым отступал фронт. Пытались разминуться машины, сдирали краску, корежили металл, терлись бортами, отламывали зеркала бокового обзора, сигналили. Шоферы ругались с беженцами, доходило до кулаков. Прижимаясь к домам, машины крушили со стен штукатурку, забор горсада во многих местах опрокинулся целыми пролетами, по клумбам и палисадникам пролегли колеи, кто-то застрял, зажатый между деревьями, трещали доски на кузове грузовика, визжала нагретая резина. Воняло перегоревшим топливом, коровьим навозом, потревоженной землей.

На Октябрьской появился кавалерийский эскадрон. Улица была непроезжей, но эскадрон шел дерзко, напролом, как и положено коннице. Перепрыгивая плетни, кавалеристы проламывались через людские дворы, сады и огороды. Выскочив на Набережную, конники спешили и облепили два колодца. Пена с загнанных лошадей падала клочьями на дорогу. Форма на кавалеристах превратилась из зеленой в серую. Рты ввалились, губы потрескались. Не успело опустеть ведро, пущенное по кругу, как со стороны Подгорного снова послышался гул.

– Эскадрон! По коням! – прогремела команда. – Из Дона вволю напьемся!

Так же стремительно, как появилась, конница исчезла за плетнями и заборами. Заморенные лошади нашли силы на последний рывок к реке, к долгожданному водою.

Не долетев до Белогорья, самолеты открыли бомболюки. Смертоносный груз посыпался на тех, кто застрял на подгоренском шляхе, на улицы Школьную, Коминтерна, Октябрьскую, Набережную, Зеленый переулок, на горсад и Дом Советов. Рвались грузовики с боеприпасами, в разы умножая ярость отступающих. Бензовозам хватало одного осколка в цистерну – они разносили все вокруг, выплескивая полыхающее топливо на обезумевших людей. Те метались, не зная, где укрыться от разящего металла и огня. Лошади, взбесившись, затаптывали раненых. Небо извергало огонь, над землей свистели осколки рвущихся в грузовиках боеприпасов, на земле пылал пролитый бензин.

Зажатые на лугу между горой и Доном беженцы были различимы из пилотных кабин и гибли под пулеметным огнем. Середина реки пестрела конскими и людскими головами, течение трепало длинные гривы, сбрасывало их на сторону, топило пропитанные потом пилотки. Многие, так и не успев утолить жажду, шли на дно. Мало кто добрался до левого берега.

Клопочущий, растревоженный муравейник: люди, словно тля, сползли на пятно пролитого сиропа, и давить их теперь так же просто...

Об этом думал немецкий летчик над Белогорьем.

* * *

Бомбы рвались за селом, на шляхе. Семейство Журавлевых через боковую калитку в плетне стайкой юркнуло к соседке Кочаныхе, у которой был надежный погреб с пологим спуском, сложенным из меловых блоков. Первой в дверь подвала вошла мать с Галей на руках, за ней Антонина, несшая Зою, потом Тамара, обнимавшая Бориса. Пропуская семью, Виктор привязывал к дверной скобе веревку. Бомбы сокрушали улицы Белогорья, Виктор, торопясь, все никак не мог затянуть последний узел.

– Скорей, а то не успеешь! – кричала снизу мать.

Самолеты пронесли над их домом, Виктор, схватив конец веревки, побежал вниз. Свист оборвался – бомбы ударились о землю. Волна сжатого воздуха захлопнула дверь, остаток пути Виктор проехал по ступеням на животе. Растянувшись на земляном полу, он с силой натянул

веревку, чтобы новой волной не отворило дверь. Веревка дрожала и пела натянутой струной. Из стыков меж меловыми блоками на головы укрывшихся сыпалась затирка и глиняные шпаруны³.

Хозяйка подвала тоже была здесь. Крестьясь с каждым взрывом, она вскрикивала.

Самолеты шли звено за звеном, гроздьями сбрасывали груз. Между взрывами не было пауз, они слились в сплошной нескончаемый грохот.

– Мама! Мамочка! – бросилась Зоя к матери. – Они нас убьют! Они нас всех убьют!

Прижимая младших дочерей, Ольга закусила губу и думала: «Хоть бы всех одной бомбой... чтоб не мучиться». Голова ее в беспамятстве склонилась набок, щекой она уперлась в прохладную меловую стену.

Тамара затыкала уши Бори, жмурилась в темном подвале, но вспышки с улицы прорывались сквозь темень подземелья, сквозь смеженные веки. Очередная бомба упала совсем близко с подвалом, веревка лопнула, и дверь отворилась. Погреб заполнили пороховые газы, вонь сгоревшего тола. Через потревоженную землю содрогнулись меловые блоки подвальных стен. Ольга пронзительно вскрикнула, выпустив из рук Гаю, лишилась сознания. Антонина подхватила с земли плачущего младенца. Задыхаясь от вонючего перегоревшего тола, люди кашляли, но на улицу не выходили. Через минуту дым рассеялся. Виктор поднялся к двери, снова привязал веревку.

– У Карпенко хата горит, – сообщил он.

Кочаныха похлестала Ольгу по щекам, и к той вернулось сознание. Открыв глаза, женщина смотрела потеряннм взглядом на своих детей, сидевших в полумраке пустого закрома для картошки.

– Ольга! – крикнула ей в лицо Кочаныха.

– А? – громко переспросила та.

– Тебя оглушило?

– Чего говоришь? – не слыша собственного голоса, прокричала Ольга.

Тамара, сдернув с головы косынку, стала махать ею на мать.

– Где Галя? Дайте мне ее.

Антонина передала ребенка в руки матери.

– Вроде чуть утихомирилось, – прислушался Виктор.

Взрывы теперь гремели далеко за селом.

³ Забивка для стыков между блоками (*суржик*).

Глава 8

Опять степь, пыль, раскаленное бесцветное небо. Бабы спрашивают, где же немцы и куда мы идем. Мы молча пьем холодное, из погреба, молоко и машем рукой на восток. Туда... За Дон...

В. Некрасов. В окопах Сталинграда

Новая бомбардировка застала Шинкарева на лугу. Пробираясь между толпами беженцев, стадами коров и вереницами телег, Слава почувствовал, как невидимая волна прокралась по всему живому. Толпа единым организмом уже научилась предчувствовать. Лейтенант сосчитал пять медленно плывущих над землей звеньев. Уродливые стальные птицы, кружа над селом, сыпали из брюха черные «яйца».

– Садануть бы под брюхо этой падали! – не сдержался лейтенант. – Где же авиация? Где наши зенитки? – сокрушался он, понимая, что зенитки вместе с расчетами застряли на улицах села, а снаряды к ним рвутся в грузовиках, убивая красноармейцев.

Вернувшись к переправе, лейтенант застал здесь кипевшую работу. Солдаты валили деревья, очищали их от веток, распиливали на бревна, раскатывали по размерам. Увидев Шинкарева, майор пожал ему руку:

– Выражаю благодарность, лейтенант. Слушай новую задачу. Связь с левым берегом нужно наладить. Плавсредства нужны. Лодки, проще говоря. Один паром у нас еще остался, но он только для техники, да и медленный джуге, не оперативно на нем. Я уже на том берегу договорился насчет зенитных пулеметов. Навстречу нам оттуда тоже соединять понтон начнут. За главного там Пастухова оставил, комиссара своего. Но эти лодки, что мне тут ребята в камышах показали, это мало, понимаешь? Скоро пехоту начнем переправлять. Люди вплавь могут, а для оружия лодки нужны.

Смешавшаяся людская и животная масса клекотала на лугу. Погонщики правили коров к полоске пляжа. Коровы спускались к Дону, надували бока, как бочки, плыли к другому берегу. Мальчик лет двенадцати два раза направлял бричку к воде, но лошади лишь заходили по брюхо в воду, напивались и поворачивали назад. Тогда мальчишка обрезал постромки, и свободные лошади охотно поплыли, таща за собой вцепившегося в остатки сбруи мальчугана. Несмышлениш-стригун, отпрыск одной из кобыл, долго носился по берегу, жалобно ржал, но, когда кобылица пропела ему с середины Дона на своем языке, он с разбегу кинулся за нею и неумело поплыл. Бричка, груженная скарбом и казенными бумагами, оперев оглобли в землю, уныло осталась стоять на берегу.

Люди торопились. Затишье, как того и ждали, оказалось недолгим. В небе опять зануло, беженцы в панике кинулись искать укрытие: закатывались под телеги, бежали в заросли лозняка, заползали в канавы и промоины, не боялись прятаться за тушами убитых коров и лошадей.

Слава увидел растерянную девушку, бестолково метавшуюся по дороге. Небольшого роста, плотно сбитая, в синей юбке, едва скрывавшей колени, и белой сорочке с красной мало-росской вышивкой, она искала кого-то глазами. Подскочив к ней и подмяв под себя, лейтенант грохнулся с нею на землю. Она обдавала его шею горячим дыханием. Слава, прижимая свой подбородок к ее щеке, считал, что укрывает ее от осколков.

На этот раз самолеты высыпали над селом «зажигалки». Соломенные крыши мазанок неохотно запылали. Погода послала свое крохотное благословление – полное безветрие. Застройка в селе была просторная, и пламя не перескакивало с хаты на хату, дым вертикально уходил в небо.

Под крыльями самолетов вспыхнули оранжевые огни. Крупнокалиберные пули пробивали деревянные подводы, находя под ними свои жертвы. Река пестрела рогатыми коровьими головами и спинами. Между ними выросли фонтаны воды. Продырявленные туши с ревом уходили на дно.

Слава все плотнее прижимался к девушке, выдавая свой страх за командирскую защиту. Один раз пулеметная очередь легла совсем близко от них – лейтенанту в лицо полетели пыль и ошметки травы.

Наконец и этот, третий за день, налет прекратился. Поднимаясь с земли, лейтенант помог подняться девушке.

– Как зовут? – отряхивая форму, спросил он.

– Настя Федорчук.

– А где родители?

– Не знаю, только самолеты прилетели, я их и потеряла.

– Чего металась как малахольная? Прятаться надо было.

– Боюсь с этого места сойти. Я с ними туточки разминулась, может, они сюда вернутся, искать меня станут.

– Сколько классов окончила?

– Семь только.

– Ну, «только». Цельных семь! – похвалил Слава.

Девушка застенчиво улыбнулась.

«Красавица... Хоть за это войне благодарность выписать, что дороги наши пересеклись», – подумал Слава.

– Слушай, тебе надо на другой берег переправляться, затопчут тебя здесь. Может, и родители уже там? – оборвал ее улыбку Шинкарев.

– Нет, они бы меня не бросили.

– Да, не бросили б, – машинально согласился он.

Поводив головой по сторонам, лейтенант вдруг быстро заговорил:

– Давай так: я сейчас в село съезжу, а на обратном пути тебя тут встречу. Вон под тем деревом.

Посреди луга высилась одинокая мощная верба, возрастом в полвека.

– Другого дерева тут нет, так что не перепутаешь. А родители найдутся, тогда уж не жди меня, всем семейством тикайте на другой берег. Ну, а если не будет их, так я тебя переправлю, будешь их там искать. Идет?

Настя стояла в раздумье.

* * *

После третьей бомбардировки Виктор выскочил из подвала на улицу. Дом Карпенко, стоявший через дорогу от Кочаныхи, еще пылал, крыша, пробитая бомбой, полностью провалилась. Пробежав от подвала к плетню и перемахнув через него, Виктор оказался в своем дворе. Дом пока был цел, не считая вылетевших оконных стекол. В угол сарая попала бомба. Парень заглянул внутрь, на земле лежала мертвая корова. Виктор окинул взглядом окрестные улицы: повсюду стояли дымовые столбы, и сотрясаясь воздух под языками пламени. Через двор от Журавлевых, на перекрестке Зеленого переулка и Черноземной улицы, полыхала МТФ, в нее неделю назад согнали армейских лошадей.

Долетел запах паленого мяса. Забежав за сарай, Виктор увидел горящий соседский плетень, пламя вплотную подбиралось к сараю. Под плетнем лежал обугленный человек. По ботинкам и зеленым штанам с обмотками, еще не тронутым огнем, Виктор понял, что это красно-

армеец. Разломав плетень на стыке с сараем, он не дал пламени перескочить на стену. Виктор забежал в дом и, взяв ведро с водой, вернулся в подвал.

– У Карпенковых хата сгорела, у нас корову убило, а под плетнем мертвый солдат лежит, – передал он новости.

Мать часто и громко переспрашивала, Кочаныха кричала ей в левое ухо, меньше пострадавшее от контузии.

– А кони? – спросила Тамара.

– Кто-то успел выпустить, несколько у нас по саду бродит.

Глава 9

*6 июля. Отступаем из Россоши за Дон. Целый день немцы бомбят. Что-то горит на железнодорожной станции. Над пожарищем бо́льшая дивного цвета туча. Грозная и необычная цветом. Бегут машины. Целый день шоферы возятся под машинами. Тошно смотреть на эту мерзкую неорганизованность, бестолковость. Пропал день.
Из дневника кинорежиссера А. П. Довженко*

Снова Шинкарев следовал от двора ко двору, не гнушаясь повторно заходить к тем, кого уже «ограбил» с утра. В этот раз Белогорье казалось вымершим. По улицам все так же двигались беженцы на подводах и еще уцелевшие грузовики, но местные как сквозь землю провалились. Белогорцы укрылись либо в подвалах и погребах, либо, у кого их не было, собрав нехитрый скраб, уходили из села, прятались в глубоких оврагах и густых зарослях. Бывали случаи, когда в один подвал набивалось до сотни людей: сами хозяева, их соседи и люди с ближайших улиц. Жители, чьи дома были ближе к Кошелевой горе, перевалив через нее, искали спасения в прибрежных дебрях Молочного озера. Подрывая стенки оврагов, люди заползали в эти ниши, пытались найти там убежище. Другая часть белогорцев, жившая ближе к Кирпичанской горе, укрывалась в терновниках на Семейском краю.

Солдаты обходили по периметру дворы, заглядывали в сараи и, не найдя ни хозяев, ни лодок, шли дальше. В некоторых дворах лодки были, но почти все они рассохлись за время лежания без дела. Мужиков забрали в армию, и суденышки, вовремя не проконопаченные и не спущенные на воду, пришли в негодность. Наконец удалось найти два приличных челна.

Настя покорно сидела под деревом. Кроме нее, туда набилось много желающих: ширококостная баба кормила грудью ребенка, толкалась разновозрастная детвора, старик помирал на самодельных носилках из жердей – ран на нем не было, он просто не перенес дороги и царившего кругом горя.

Лейтенант спросил Настю:

– Не появлялись родители?

Настя помотала головой.

– Я лодки нашел, когда майор поплывет, договорюсь, чтобы тебя взял.

– Без родителей не поеду, – ответила девушка.

Слава размотал заготовленную приманку:

– А на тот берег вы к кому-то ехали или так просто, в белый свет, лишь бы в оккупацию не попасть?

– Под Павловском у нас родня, к ним ехали.

– Село как называется?

– Михайловка.

– Так ты переправляйся туда, родители там тебя найдут.

– Нет, я лучше дождусь, потом вместе...

– Да пойми ты! – перебил ее Шинкарев. – В любой момент опять прилетят! В оккупацию хочешь? Столько прошагала, чтоб возле Дона под немцем остаться?

Было видно, что Настя колеблется:

– Не знаю, найду ли эту Михайловку.

Шинкарев понял – победа:

– Конечно, найдешь. На тот берег, главное, переплыть, а там спросишь.

Настя вышла из-под тенистой кроны. Сесть на край предложенной телеги она отказалась, шла рядом. Радость в душе Славы была через край. Нет, раньше бы им никак не встретиться – слишком юными были. В эту неподходящую пору выпала им судьба.

Пока лейтенант ходил в Белогорье, мост медленно восстанавливался: напиленные бревна солдаты стягивали меж собой веревками, скрепляли железными скобами. Чтобы понтон смог выдержать груженую полуторку, бревна стелили в два слоя. Саперы пока еще не закончили первого наката.

Найдя майора и доложив о двух лодках, Шинкарев на минуту замялся.

– У тебя еще что-то? – спросил Соболев.

– Так точно, товарищ майор. Тут такое дело, в общем, надо взять на левый берег одного человека.

– Что за человек?

– Да гражданский, беженка с Украины. Родителей потеряла, а под Павловском у нее родня живет.

– Ох, лейтенант, – убрав с лица командирскую серьезность, лукаво погрозил пальцем Соболев. – Ждешь, что обеды тебе будет носить, когда по Дону обороной станем?

– Да что вы, товарищ майор, – ответно улыбнулся Шинкарев, – жалко просто ее стало.

– Ладно, увидишь, что на тот берег собираюсь, сажай ее ко мне в лодку без разговоров. Отдохни с полчаса, заодно и с дивчиной попрощайся, – подмигнул напоследок майор.

– Дал «добро», – объявил Слава ожидавшей его девушке. – С первой лодкой поплывешь.

– Спасибо вам, товарищ лейтенант.

– Да брось ты. Славой меня зовут.

Солдаты снимали с подвод лодки, спускали на воду, складывали в них амуницию, оружие и форму, налегке перемахивали реку вплавь. Тех, кто не умел плавать, сажали на весла. Следовало несколько ходок туда-обратно, гребцы менялись. Затишьем пользовались и гражданские: разбивали подводы, сколачивали из них подобие плотов. Многие семьи, уже переплывшие на левый берег, уходили по каменной дороге в Павловск.

Минута уходила за минутой, а Соболев все не садился в лодку. Время для отдыха, выделенное лейтенанту и его людям, истекало. Слава хотел уйти только убедившись, что Настя села в лодку.

Над селом снова показались самолеты. Там уже сыпались бомбы и гремели взрывы.

– Плавать умеешь? – быстро спросил лейтенант.

Девушка кивнула головой, испуганно глядя ему в глаза. Шинкарев сжал ее запястье и побежал к берегу.

– Плыви быстро! Не жалея сил, на том берегу отдышишься! – кричал он ей на бегу. – Когда выберешься, на берегу не ложись, беги в лес, там отдохнешь! Поняла?

У кромки воды Настя замешкалась.

– Да чего ты копаешься! – не выдержал Слава, подталкивая ее.

Девушка забежала по колено в воду и едва не упала.

– Одежу бы снять, – нерешительно сказала она.

– Плыви так! Некогда!

Настя все же стянула через голову сорочку и сняла юбку, оставшись в одной нательной рубаше, шепотом добавила:

– Так не могу, еще утопну.

Зажав одежду в левой руке, девушка медленно поплыла, выгребая свободной правой. Слава в сердцах выматерился. Течение сносило на сторону ее длинные волосы, подбородок то и дело касался воды. Мимо задранной вверх руки, обгоняя ее, постоянно мелькали головы бойцов. Шинкарев не терял Настю из вида благодаря этой руке с зажатой в ней одеждой.

Над Доном пронесся штурмовик. Всадив длинную двойную очередь в барахтавшихся людей, вышел из пике. Солдатские головы исчезли под водой. Исчезла и рука, сжимавшая одежду. Бомбы посыпались на незаконченный понтон, в разные стороны полетели разнесенные в щепки бревна.

Слава растянулся на берегу, не отрываясь смотрел на солдатские головы, торчащие из воды, пытался отыскать среди них одну – с длинными русыми волосами.

Настя увидела несущийся самолет. Красноармейцы стали исчезать под водой, но она все так же размеренно гребла одной правой рукой. На воде выросла парная строчка фонтанов, Настя выпустила одежду и нырнула, сверкнув загорелыми лодыжками. Страх перед гибелью мигом прошел, в воде она опомнилась: «Как же я теперь без одежды-то?»

Она вынырнула, увидела в полуметре от себя торчащую из воды голую спину бойца и расколотый надвое окровавленный затылок. Пронзительно вскрикнув, девушка замолотила руками по воде, обгоняя других.

Под берегом почуяла опору. Ноги ее уперлись во что-то круглое, мягкое, будто махровое полотенце. Оттолкнувшись, Настя выпрыгнула на берег, обернулась и увидела выглянувший из воды рыжий коровий бок. Она зажала руками рот, чувствуя подступившую тошноту.

Слава, следивший за берегом, нашел среди солдатских тел фигуру в белой сорочке.

– Настя! – во всю силу прокричал он. – Беги в лес! Скорее прячься!

Она не слышала его в кутерьме, унесенная общим потоком, но побежала под защиту деревьев. Небо скоро очистилось. Из воронок, кустов и других убежищ выбирались люди. Шинкарев встал на ноги, все так же глядя на другой берег в надежде, что Настя покажется еще раз.

Глава 10

Позавчера радио передавало, будто бои идут возле Россоши, а не успели мы оглянуться, – вы уже возле наших базов и германца небось следом за собой волочете.

М. Шолохов. Они сражались за Родину

На Белогорскую переправу упали первые бомбы, и семья Безрученко, по настоянию бабы Ганны, принялась за рытье землянки. Старушка, глядя в небеса, сказала: «Быстро ж от границы прошвырнулись». Потом стала ворчать, что стрельба эта надолго, вспомнила восемнадцатый и девятнадцатый годы, когда белые с красными, месяцами занимая то один, то другой донской берег, устраивали пушечные перестрелки.

Землянку копали в середине сада, меж двух старых груш. Бросали рытье несколько раз, когда снова прилетали самолеты. Ближе к вечеру по улицам Дуванки потянулись караваны счастливых, добравшихся до заветного левого берега. Понурые, изможденные, брели они через деревню. То немного, что удалось взять из дому, осталось покинутым на «той стороне». Куда они идут? Где им рады?

Попадались среди них раненые. Высохшая женщина несла на руках мальчика лет четырех, у него белым фартуком был забинтован обрубок оторванной руки.

– Не плачь, мам, – говорил ей сын, – у меня новая ручка вырастет, как у ящери хвост. Правда?

– Господи! Зачем родились эти дети?! – кричала дама в дорогом шелковом платье с брошью на груди. Она сжимала руками виски и нетвердо шагала по обочине.

Селянка с бледным уставшим лицом в фартуке несла мертвого годовалого младенца.

– Люди добрые, – глухим голосом позвала она бабу Ганну, стоявшую у калитки, – дайте, Христа ради, лопатку – ребенка заховать.

Старушка сходила во двор за лопатой, молча подала ее женщине. Та пошла к выгону на краю ярка, выкопала неглубокую ямку.

Анюта увидела в толпе девушку в нижней сорочке.

– Гляди, бабушка, девке вон досталось.

– Цыц, бесовестная! – шикнула старушка. – Эй, молодуха! Заходи во двор, – поманила ее рукой баба Ганна, – сейчас тебе дочка найдет чего-нибудь.

Девушка прошмыгнула в калитку.

– Дальше, дальше иди, в хату, – подталкивала ее шедшая следом старушка.

Ирина уже раскрыла сундук и ворошила там свои юбки и кофты. Достав чистую холщовую сорочку и серое платье, она протянула их девушке.

– Накинь-ка, – с жалостью глядя на беженку, проговорила Ирина.

– Ой, что вы! Это слишком новое, найдите похужей, – стала отказываться та.

– Бери-бери, девка, не жалея чужого добра, – подбодрила ее баба Ганна.

Девушка стянула с себя мокрую сорочку, бросила на лавку. Старушка рассматривала беженку:

– Ладная вся, как из глины на заказ лепленная. Поди, голодная? Садись, подхарчись чуток.

Девушка, схватив в руки кружку молока с куском хлеба, принялась есть. Баба Ганна продолжала расспросы:

– Издалека шлепаешь?

– С Украины.

– У-у, не ближний свет. А бежишь до места аль так, лишь бы от врага подальше?

– В Михайловку, там родня дальняя. Вы мне туда дорогу подскажите?

– Так туда две дороги есть. Одна короче, через Копанки, мимо Шипова леса, но там заплутать можешь незнаючи. Иди лучше через Павловск. Так хоть и длиннее, зато дорога людская, всегда путь сможешь спросить. До Павловска дойдешь – не заблудишься, все время по шляху каменному. А в городе спросишь дорогу на Елизаветовку, а с Елизаветовки на Петровку, а от Петровки совсем до Михайловки близко.

– Найду ли? – встревожилась девушка.

– Найдешь, – успокоила Ирина. – Раз от Украины дошла...

– Собери ей с собой, – добавила старушка.

– Спасибо вам большое, – благодарила беженка, принимая из рук Ирины узелок с едой.

– Ступай, девка, – сказала баба Ганна. – Как у тебя имя-то?

– Настя.

– Иисус Христос, Матерь Божья, Николай Угодник, помогите в пути рабе Божьей Настасье. Что вам, то и ей.

Глава 11

Не доезжая километров 15 до Белогорья, встречаем (часиков в 9 вечера) возвращающиеся машины. Что?! Переправа горит. Решил ехать дальше. Машин все больше и больше. Вот и подступы к Белогорью. С горы в полутьме видно несколько больших очагов пожара. Горит почти весь городок, в т. ч. и переправа.

Из дневника Л. К. Бронтмана, сотрудника газеты «Правда»

Время между налетами сократилось. Над Белогорьем повисло плотное облако из пыли и чада, из смрадных испарений. Облако было разноцветным. Перегоревший мазут летел наверх черным удушливым зноем, от бензина и солярки поднималось прозрачное раскаленное марево, хаты и сараи отвечали небу светло-серой пышной подушкой. Дымный смог принял черты злорадной маски, чьи губы растягивала улыбка лукавого, и сам он в эти минуты шнырял между пылающих построек. В треске костров, реве обезумевших коров и криках людей слышался его ехидный смех.

В сараях заживо сгорал запертый скот, куры забивались в гущи садов и прохладные дебри невыкошенных проулков. Люди тащили из домов кровати с прикованными к ним древними старухами, а на улице не знали, что делать с этими инвалидами: то ли громоздить их в узкие щели подвалов, то ли бросать под навесами, то ли снова хоронить в домах. Корежились молодые вишни в палисадниках, плавилась зелень, пожираемая пожарами. Пропадали в огне жалкие предметы быта, добытые за годы полуголодных пятилеток: нехитрые шкафы и тумбочки, вышитые занавески и скатерти, фикусы и семейные портреты в деревянных рамках – все сливался ненасытный красный петух.

С рассвета артиллерийский тягач таскал по улицам легкий самолет, поставленный на помост с деревянными полозьями. Лейтенант, сопровождавший машину, без конца кричал на водителя тягача, посылал его то к переправе, то в сторону Басовки. В конце концов тягач дотащил помост с самолетом до Ковалевского паромы. Там водитель, натерпевшийся за день, пустил деревянный поддон с крутого берега в реку. Так и стоял самолет по крылья в воде, одинокий и брошенный. Неугомонные мальчишки, и теперь не терявшие природного любопытства, подплывали к самолету, облепив его со всех сторон, изучали фанерный фюзеляж.

Бригадир, не дожидаясь «9-го дня переправы», наконец дал команду гнать трактора к Дону, а там будь что будет. Кто-то из молодых трактористов схоронил своего железного коня в прибрежных зарослях, кто-то, просто соскочив с движущейся машины, пускал ее в Дон, где она скрывалась под водой.

Ожидавшие переправы грузовики разворачивались и уезжали к Колодежному. Говорили, что там еще уцелел паром. Оставался паром и близ хутора Ковалев, в четырех километрах к северу от Белогорья. Многие повернули туда еще и потому, что ходил слух, будто и там строили мост в июне. Но сваи тамошнего моста протянулись на треть Дона, а единственный паром тоже не в силах был провернуть такую массу техники и грузов. Шоферы поворачивали от хутора Ковалева снова вниз по Дону, загоняли грузовики в лес, торопливо маскировали ветками и кустарником, а сами плыли на левый берег. От Пересухи до Базарянского пляжа лес загромоздили брошенные грузовики.

Досталось и Ковалевской переправе, и плохо спрятанному речному каравану: деревянная баржа № 101 вспыхнула, и то, что в ней не успело сгореть, пошло ко дну. Взорвались и затонули металлические баржи «Акса́й», «Лиски» и «Китайка». Речной танкер «Камчатка» с пробоями остался на плаву, из его дырявых боков по донской воде поползла ядовитая нефтяная пленка.

Жаркое июльское солнце закатилось за горизонт. Но было еще светло. У кромки донского берега воняло толлом, донной тиной и терпким борщевиком. Плети речного огурца густо затянули ветви росших у Дона деревьев, под ними складировали напиленные саперами бревна. Туда же сносили раненых, пряча их если не от бомб, то хотя бы от июльского зноя. Меж иглами камыша и дисками речной кубышки плавала мертвая рыба вперемешку с оглушенной лягушкой.

На левом берегу комиссар Пастухов организовал похоронную команду, погибших солдат и беженцев закапывали здесь же, у берега, недалеко от моста. Майор Соболев, не дожидаясь, когда полностью стемнеет, продолжил ремонт переправы.

Когда мрак плавно выдавил остатки дневного света, прилетел самолет-разведчик и развесил над переправой «фонари» на парашютах. В них медленно сгорал магний, надолго освещая всю окрестность. На площадку перед переправой упал почти дневной свет, будто в небо выпустили разом десятки осветительных ракет. Река успокоилась. Улеглись мутившие ее дневные страсти, она вновь понесла свои тихие воды, отравленные трупным ядом и нефтяными пятнами. В наступившей вечерней тишине далеко окрест разносились стук топоров и звяканье обухов о скобы.

– Вот «ярмо» чертово! – ругали бойцы самолет-разведчик. – Ни днем, ни ночью покоя нету.

«Ярмо» кружилось, наблюдало, иногда подбрасывало новых «фонарей». Зенитные пулеметы с левого берега били по нему короткими очередями.

– Что за заминка у тебя здесь, лейтенант? – подошел к Шинкареву майор.

– Бревна катаем, товарищ майор.

– Шары в штанах они у тебя катают, а не бревна. А ну, гвардия, шибче! Думаете: ночь длинная – успеем? Немец вон, видали, какую иллюминацию в помощь развесил? Шустрей, ребята! До утра еще папоротник найти надо.

– Так точно, товарищ майор! – вторил майору Ревякин, сержант из батареи Шинкарева. – Аккурат сегодня Иван Купала, нам только клада не хватает.

Люди стали работать ловчее. Слова Соболева подбодрили утомленных, переживших этот тяжкий день бойцов. Неужели и вправду он подошел к концу?

Глава 12

Потом мы сворачиваем по проселочной дороге вниз в долину. Здесь накануне вечером пикирующие бомбардировщики нанесли удар по отступающему противнику. Убитые солдаты, разбитые подводы, мертвые лошади, разорванные на части. Лишь некоторые лежали не изуродованными – убитые мелкими осколками.

Подевильс К. «Бои на Дону и Волге» – дневниковые записи офицера вермахта

Со времени последней бомбардировки прошло около часа. Ольга с детьми сидела в подвале Кочаныхи, боясь показаться на улицу. Виктор приоткрыл дверь и посмотрел в щель. На меловых блоках стен заплясали отблески близкого пожара.

– Я на разведку, – коротко бросил Виктор и притворил за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.